

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ЛИТЕРАТУРА. 2022–2023 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 10 КЛАСС

Максимальный балл за всю работу – 75.

I. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1

Алексей Николаевич Толстой (1883–1945)

ЗЛОСЧАСТНЫЙ

Дописав четвертинку письма, положил барон Нусмюллер перо и щипцами снял наплывшую светильню, отчего свеча, разгораясь, позволила увидеть облупленную стену и сводчатый потолок, где старые пауки, наскучив бессонницей, выползают из щелей и глядят на обитателя, и листы толстой бумаги, исписанные рукой, водимой высоким чувством, и глаза офицера, полные слёз, и в сердце упрёк – зачем жизнь не фиал¹, наполненный драгоценным маслом.

«...Перечтите сии робкие страницы, – продолжал с тихим поскрипыванием писать барон Нусмюллер, – не огорчаясь над смешным чувством бедняка, не сетуя на Бога, зачем даровал вам несравненную красоту, столь губительную, и, садясь в голубую карету, чтобы совершить утреннюю прогулку, вспомните, что видел вас кто-то два раза, две вечности переживший в этих встречах, и первая из них в час, когда падают жёлтые листья дубравы в канал, среди гранитных берегов, в каменные вазы, где цветы уже поблёкли и потемнела позолота высоких копий решётки, и бедный офицер, ступая по влажному песку, вздрагивает от стука колёс по набережной, ожидая – вот пролетит голубая карета, покачиваясь на золотых рессорах, влекомая рыжими конями, грызущими цепи, и всколеблется ткань окна дыханием вашим, коей нет достойного имени на земле.

Не расскажу чувства при виде несущейся, как голубое видение, среди желтеющей зелени, кареты; всё в жизни нашей уносится мгновенно. Увядший лист, примятый поспешным колесом, поднял я и положил на грудь. Простите... И вот иная встреча: в дождливых сумерках у широкого подъезда фонарь со скрипом раскачивается ветром, и около, пряча подбородок в воротник шинели, стоит молодой офицер, глаза его горят, следя, как за окнами в вальсе кружатся дамы. Уже кучерам, запрудившим улицу, выдано по калачу и стакану пенного; уже вальс затих и начата мазурка, и дождь насквозь пробил шинель, и вот, наконец, крик – «пади!» – и фыркнули перед лицом морды лошадей, и, гремя,

¹ Фиал (греч.) – торжественное название чаши, сосуда.

подкатила карета. Закутанный в меха грум² раскрывает дверцы, и, пахнув теплотою духов, выходите вы, ваше лицо закрыто розовым капором, и тяжёлый шлейф, ревниво оберегающий ноги, не в силах сопротивляться ветру, приоткрывает башмачок... и несчастный пошёл, пошатываясь, к своим паукам в плохо штукатуренную комнату, на третьем этаже у мадам Фриц, что на Гороховой.

Не знаю имени вашего, я не видел ваше лицо: к чему? Оно несравненно, как роза, опьянённый ароматом которой поёт в ночной прелести соловей предсмертную песню. Предсмертную, увы!.. Ибо что остаётся мне в такое меланхолическое время... Пистолет со взведённым кремнём передо мною, сейчас я ставлю последний знак на этом письме, которое, после того как отлетит душа из несовершенной моей оболочки, отнесёт вам, прелестница, мой денщик!»

Поставив точку, барон Нусмюллер отложил перо и, всё ещё стоя в узком мундире, в лосинах и ботфортах, у конторки, задумался, склонив худощавое и длинное лицо своё на ладонь.

Ветер хлопал оторванным ставнем, обильно мочил окно, заклеенное с угла синей бумагой, и свистел в трубе так, что нельзя было не грустить.

– Безумный, – прошептал барон Нусмюллер и, поглядев на пистолет, погрузился в чёрные мысли. Позади него у закопчённого камина на мольберте стоял акварельный рисунок голубой кареты; рядом на кресло брошены плащ и трубка.

Барон Нусмюллер, запечатав письмо, отошёл от конторки, горько улыбнулся, затем, оттолкнув трубку так, что она упала и разбилась, завернулся в плащ и сел в кожаное кресло...

– Разбилась, – молвил он, глядя на трубку, – а жаль, я любил её, надо же любить кого-нибудь...

И затем глубокий вздох вырвался из груди его, и взор остановился на картине.

– Неслышными шагами крадётся любовь, – говорит барон Нусмюллер, – и сердце не ожидает, спокойно биясь, и вот уже занесено лезвие и глубоко вонзается... И сердце не знает, что с ним, отчего потоком льётся кровь?.. Бедный, злосчастный...

Наступило продолжительное молчание, во время которого ветер, найдя щели, колебал свечу, голова барона клонилась на грудь. Вдруг безусый, с толстыми губами денщик подошёл, лукаво прищурясь, к креслу, взял из руки барона письмо с ещё не написанным на нём адресом и, повернувшись, как деревянный, замаршировал за дверь, которая захлопнулась сама собой, и барон похолодел от страха.

«Начинается», – подумал он и, помимо желания, поглядел на карету, написанную акварелью им самим.

– Грешно думать, чтобы Господь, пренебрегая величием, снисходил для устройства житейских наших дел, но есть явления, приписываемые по

² Грум (англ.) – слуга.

легкомыслию случаю, проникнув в существо которых, видим в них руку создателя.

После таких слов молодого офицера колёса оглядываемой кареты повернулись и закружились, мелькая спицами, грум в картузе с длинным козырьком покосился на барона Нусмюллера, толстый кучер взмахнул кнутом, и ясно послышался звон грызых конями цепей.

«От кого они убегают? – думает барон. – Почему так торопятся ехать?»

А сбоку, скользнув по раме и протянув выше верстового столба руку с растопыренными пальцами, появился на поверхности картины денщик, догоняя карету. Кучер хлестал кнутом, карета подпрыгивала, и барон Нусмюллер застонал:

– Боже мой, боже мой, оставь... Не надо... Я ещё не хочу умирать...

Денщик, наконец, повис на ручке кареты, волоча высоко подпрыгивающие ноги, просунул в окно руку с письмом, шторка заколебалась, и барон увидел... злое, ах, совсем не ангельское лицо... Она взяла письмо, разорвала пополам и бросила...

Барон Нусмюллер, вскочив с кресла, подбежал к конторке, оправил свечу и, закинув локти, с раскрытым ртом обернулся, глядя на мольберт. Карета, как прежде, катилась по жёлтым листьям. Но только на голубом её кузове, словно брызги от колёс, были заметны пятна. «Картину уже заклевали мухи», – сказал барон; расстроенный, отвернулся и заметил между пальцами смятое письмо.

– Мечты и действительность, – сказал он, дав себе успокоиться. – Господь, милосердая, открыл моим глазам грядущее и отвёл удар, прежде чем был он нанесён. Сатана, приняв ангельский образ, ездит в голубой карете.

Затем, взяв за уголок, поднёс он веленевый³ конверт к пламени свечи, бумага задымилась, скоробилась, пожелтев, и ярко вспыхнула, добежавший огонёк обжёг пальцы. Барон пососал пальцы и, обмакнув перо, быстро написал:

«Дорогой родитель, вот уже третий день, как я ничего не ел, посему осмелюсь просить Вас прислать мне 35 рублей ассигнациями, за что буду по гроб благодарный и почтительный сын ваш Игнат...»

(1910)

³ Веленевый – из веленовой (плотной, глянцевиной) бумаги.

Вариант 2

Давид Самойлович Самойлов (1920–1990)

ГОЛОСА

Здесь дерево качается: – Прощай! –
Там дом зовёт: – Остановись, прохожий!
Дорога простирается: – Пластай
Меня и по дублёной коже
Моей шагай, топчи меня пятой,
Не верь домам, зовущим поселиться.
Верь дереву и мне. –

А дом: – Постой! –

Дом жёлтой дверью свищет, как синица.
А дерево опять: – Ступай, ступай,
Не оборачивайся. –

А дорога:

– Топчи пятой, подошвою строгой.
Я пыльная, но я веду до Бога! –
Где пыль, там Бог.
Где Бог, там дух и прах.
А я живу не духом, а соблазном.
А я живу, качаясь в двух мирах,
В борении моём однообразном.
А дерево опять: – Ну, уходи,
Не медли, как любовник надоевший! –
Опять дорога мне: – Не тяготи!
Ступай отсюда, конный или пеший. –
А дом – оконной плачет он слезой.
А дерево опять ко мне с поклоном.
Стою, обвит страстями, как лозой,
Перед дорогой, деревом и домом.

(1960-е)

II. [35 баллов] МУЗЕЙНАЯ ВИТРИНА: ОТ ЭПИГРАФА К ВЕЩАМ-ЭКСПОНАТАМ

Вы сотрудник Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля и принимаете участие в подготовке выставки «Любимые вещи русских писателей». Вам необходимо описать вещи писателя XIX – начала XX веков, которые выставлены на витрине (стенде) музея. Предложенный эпиграф может послужить ключом для вашей художественной фантазии.

Эпиграф:

Кому не знакома зависть к шахматным игрокам? Вы чувствуете в комнате своеобразное поле отчуждения, струящее враждебный к неучастникам холодок...»

Осип Манделштам. «Путешествие в Армению»

1) Предложите кандидатуры 1–2 русских писателей XVIII–XIX века для выставки и назовите вещи, которые им принадлежали (могли бы принадлежать).

2) Опишите внешний вид 1–2 вещи, принадлежавших этому писателю (писателям), и создайте музейную «легенду» для каждой вещи (историю вещи: как она была связана с биографией писателя и каким образом попала в музей), чтобы экскурсовод музея мог рассказать о ней посетителям. Историю вещи и описание её внешнего вида **придумайте самостоятельно. Пишите свободно, интересно, ярко: посетители музеев любят таинственные и захватывающие истории.**

3) Объясните ход своих рассуждений и аргументированно обоснуйте свои фантазии по поводу выставленных вещей-экспонатов на основании предложенного эпиграфа (вещи могут быть связаны с игрой и досугом).

4) Подберите или сочините поэтический эпиграф к стенду (витрине), подходящий по смыслу к предложенному эпиграфу и указывающий на подобную или сходную вещь. Кратко опишите содержание и/или историю предложенного вами эпиграфа, укажите его автора.

Оцениваются: оригинальность истории, подробность, логика, обоснованность подбора второго эпиграфа, богатство речи.